

УДК 902(571.150)

ББК 63.48(2Рос-4Алт)

Жилищно-хозяйственный комплекс поселения Бурла III*

А.С. Федорук¹, Д.В. Папин^{1,2}, А.А. Редников¹

¹ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

² Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Housing-economic Complex of the Settlement “Burla III”

A.S. Fedoruk¹, D.V. Papin^{1,2}, A.A. Rednikov¹

¹ Altai State University (Barnaul, Russia)

² Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

Статья посвящена анализу традиций домостроительства населения «бурлинского типа» эпохи поздней бронзы Степного Алтая по материалам раскопок поселения Бурла III. В работе объединены и проанализированы сведения о типах древних жилищ эпохи поздней бронзы Алтая. Авторы демонстрируют общие тенденции, свойственные для всей эпохи в целом, и единичные, характерные для изучаемых комплексов. На территории поселка была исследована двухкамерная конструкция полуземляночного типа, установлено, что такой тип сооружений широко представлен на позднебронзовых памятниках сопредельных территорий (ирменские, позднеирменские сооружения Новосибирского Приобья и Барабы, саргаринско-алексеевские конструкции Казахстана). Делается вывод о том, что поселение Бурла III — стационарный поселок с развитой архитектурно-планировочной застройкой. Серия обнаруженных изделий из бронзы, камня и глины находит аналогии в позднебронзовых комплексах Средней Азии и Казахстана, что указывает на юго-западное направление связей. Традиции домостроительства жителей поселка находят широкие аналогии в кругу синхронных памятников эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири.

Ключевые слова: археология, Степной Алтай, эпоха поздней бронзы, домостроительство, жилища.

The article analyzes the traditional homebuilding of the “Burlin type” population in the Late Bronze of the Steppe Altai, based on excavations settlement Burla III. The paper combines and analyzes the information about the types of ancient dwellings of the late Bronze in Altai. The authors demonstrate the general trends inherent to the entire era in general and individual characteristics of the studied complexes. In the settlement there was investigated a two-chamber construction of dugout-like type. It was founded that this type of construction is widely represented on the monuments of adjacent territories (irmensky, late irmennsky constructions of the Novosibirsk Ob region and Baraba and Sargarinsky –Alexeevsky construction in Kazakhstan). It is concluded that the settlement Burla III is a stationary village with advanced architectural and planning development. The series of found items made of bronzes, stone and clay finds analogies in complexes of Middle Asia and Kazakhstan, which indicates the south-west links. Traditions of the villagers find a wide range of synchronous analogies in the Late Bronze Age monuments in the south of Western Siberia.

Key words: archeology, Altai Steppe, Late Bronze Age, the homebuilding, the home.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-45

* Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (постановление N220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет». Договор № 14. Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также гранта РГНФ № 15-31-01279 «Домостроительство эпохи бронзы на юге Западной Сибири».

Открытие в 80-е гг. XX в. В.С. Удодовым на территории Степного Алтая ряда поселений, имеющих ярко выраженные черты, указывающие на связи со среднеазиатскими центрами, позволило выделить «бурлинский тип» памятников. Данная категория характеризовалась как традиция устойчивого сочетания бегазы-дандыбаевской керамики и изготовленной на гончарном круге [1]. Последующие исследования памятников эпохи поздней бронзы Алтая показали, что специфика рассматриваемого явления наблюдается только для региона среднего течения реки Бурлы и более нигде не фиксируется.

Базовым объектом «бурлинского типа» стало поселение Бурла III, на котором было раскопано около 600 кв. м площади, изучены остатки трех жилищ площадью 33–42 кв. м и мощное кострище за их пределами. Полученные данные позволили В.С. Удодову интерпретировать поселение Бурла III как стационарный летний поселок [1]. К сожалению, несмотря на уникальность материалов и их очевидную значимость для реконструкции этнокультурной ситуации в степном Обь-Иртыше в эпоху поздней бронзы, автором раскопок материалы полноценно не были опубликованы.

В последние десятилетия в научной литературе актуализировалась дискуссия по вопросам культурогенеза эпохи поздней бронзы, поэтому нами в 2013–2014 гг. было возобновлено изучение поселения Бурла III [2–4].

В географическом плане памятник располагается в северной части Кулундинской степи, в среднем течении р. Бурла. Ландшафт местности представлен низинными равнинами с солонцово-лугово-степными (верхняя терраса Бурлы) и лугово-солонцово-солончаковыми (нижняя терраса Бурлы) террасами аллювиального происхождения с относительной высотой 1–5 метров. Поселение расположено в засушливо степной подзоне Приобского плато в пределах Бурлинской ложбины древнего стока непосредственно у уступа к современной долине Бурлы. Превышение над уровнем поймы Бурлы составляет здесь 5 м. Поверхность сложена среднезернистыми неслоистыми перевеянными песками, имеет слабый уклон в сторону русла Бурлы. Выраженных в рельефе понижений или повышений, говорящих о скрытых конструкциях, нет, очевидно, вследствие многолетней распашки участка. Непосредственно раскопкам предшествовало совместное со специалистами ИВЭП СО РАН электромагнитное частотное зондирование участка будущего раскопа с применением аппаратурно-программного комплекса ЭМС. Однако результаты этого исследования не позволили выявить скрытые конструкции [5].

Раскоп, заложенный нами в центральной части территории памятника и прирезанный к раскопу 1980-х гг., позволил получить иную картину. Удалось

полностью раскопать одно жилище двухкамерного типа (сооружение № 1), а также выявить и частично исследовать еще два сооружения (№ 2, № 3) и ряд объектов хозяйственного назначения (рис. 1), всего было изучено более 400 кв. м.

Сооружение № 1 относится к типу двухкамерных конструкций полуземляночного типа. Общая площадь конструкции составляет около 200 кв. м.

Камера № 1 подпрямоугольной в плане формы имела размеры 12,5–13,6 (по линии юго-запад — северо-восток) x 6,1–7,5 м (северо-запад — юго-восток). Заполнение котлована состояло из слоя темно-серой насыщенной золой супеси и слабо прослеживалось уже с предполагаемого древнего дневного горизонта (0,5 м от уровня современной дневной поверхности). На уровне материковой поверхности контуры котлована читались абсолютно четко. Стенки котлована преимущественно вертикальные. Дно ровное, однако имеется плавное повышение к северной стене, что приводит к тому, что здесь котлован заглублен в материк лишь на 0,1 м. В южной части котлована материк прорезан котлованом на глубину до 0,25 м. Наибольшее заглубление имеется в центральной части — до 0,3 м, что связано с особенностями эксплуатации сооружения. В юго-западной части котлована на равном удалении от северо-западной и юго-восточной стен обнаружено два прокала. Прокал № 1 находился в 0,9 м от юго-западной стены котлована, зафиксирован на глубине 0,72 м от современной поверхности, имел подпрямоугольную в плане форму, размеры 1,3 x 1 м и мощность до 0,15 м. Заполнение состояло из супеси рыжего цвета с включением древесных угольков. На уровне дна котлована прокал не фиксировался. Прокал № 2 находился в 0,25 м к востоку от прокала № 1, зафиксирован на той же глубине (0,72 м от современной поверхности), имел подовальную в плане форму, размеры 0,25 x 0,2 м и мощность до 0,15 м (рис. 1). Заполнение аналогично заполнению прокала № 1. Угольки из прокалов были взяты для проведения радиоуглеродного датирования (UBA-24078, UBA-24079).

В пределах котлована и непосредственно у его стен исследовано более 50 ямок, большинство из которых напрямую связано с каркасно-столбовой конструкцией сооружения. Наблюдается четкая система в расположении ямок. Основная их часть располагается в центральной части котлована либо вдоль его стен. Наиболее глубокие ямки (глубиной более 0,4 м от уровня дна котлована) располагаются рядами вдоль стен и по центру. В северо-западном углу стена котлована не имеет четкого вертикального профиля, а полого выступает за край жилища. Вероятно, здесь располагался выход из жилища. В пользу такой интерпретации косвенно говорят скопление в углу котлована и ряд глубоких столбовых ям, обнаруженные в котловане прокалов, расположенных напротив

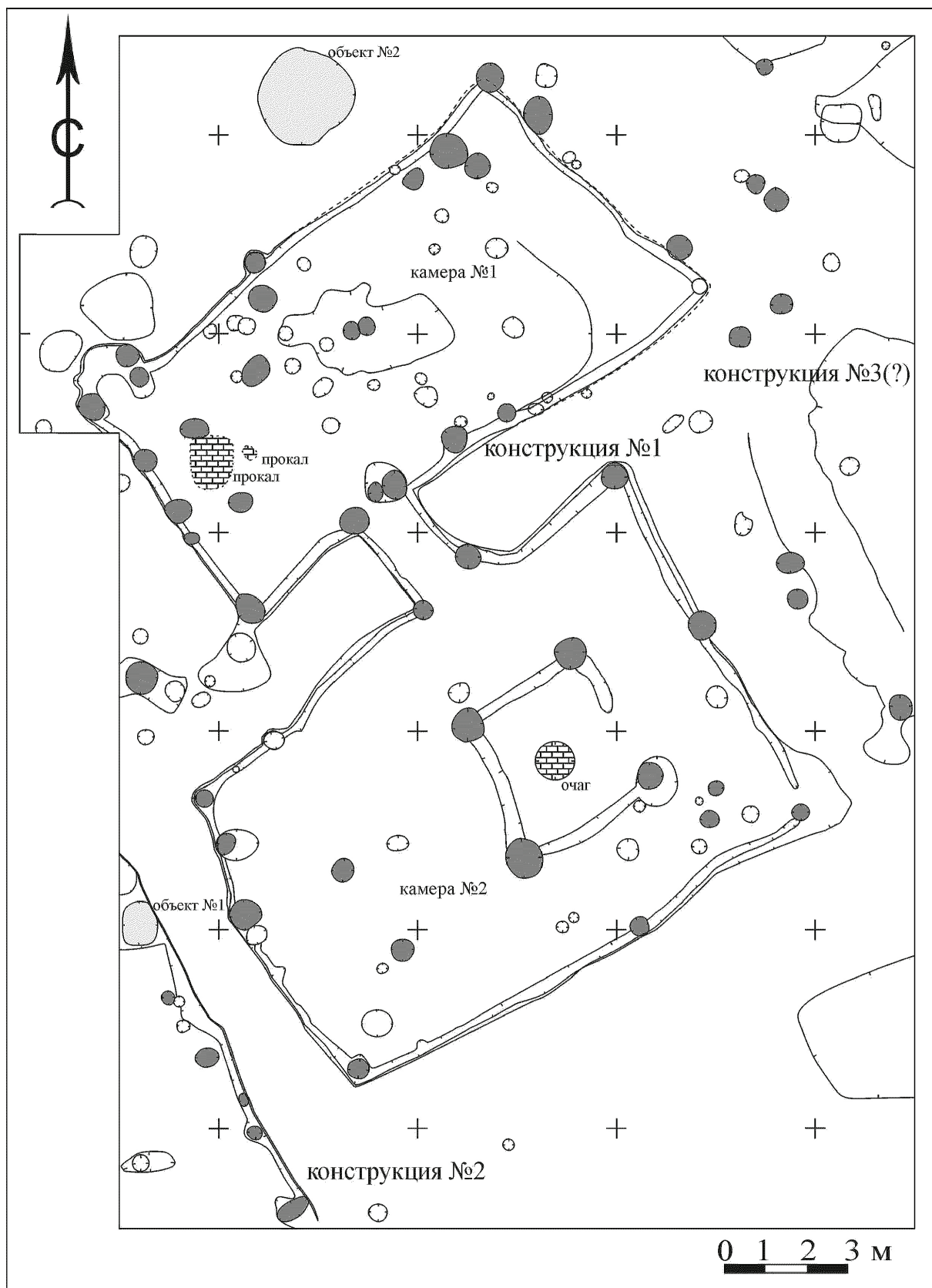

Рис. 1. Сооружения на поселении Бурла III. Серым цветом залиты столбовые ямки глубиной более 0,3 м от уровня материковой поверхности или уровня дна сооружения

предполагаемого выхода, а также наличие за пределами котлована, но в непосредственной близости от выхода небольшой хозяйственной ямы. Интересной особенностью конструкции, ранее не фиксирувавшейся нами на единовременных сооружениях региона, стало обнаружение внутри котлована по всему его по периметру небольшой канавки шириной 0,1–1,5 м и глубиной до 0,2 м, в ряде случаев прерываемой столбовыми ямами.

В юго-восточной стене, ближе к южному углу камеры, зафиксирован четкий коридорообразный переход во вторую камеру жилища. Ширина коридора 1,5 м, длина 2,2 м. Вдоль его стенок также присутствуют канавки.

Камера № 2 расположена в 2 м южнее камеры № 1. Также имеет подпрямоугольную в плане форму. Размеры 13,2–13,6 (по линии юго-запад — северо-восток) × 8,2–10,25 м (северо-запад — юго-восток). Котлован слабо прослеживался уже на уровне древней погребенной почвы, а отчетливо был зафиксирован на уровне материковой поверхности. Стенки котлована вертикальные (лишь юго-восточный угол имел расплывчатые очертания), дно ровное, зафиксировано на глубине 0,2–0,3 м. В пределах котлована и непосредственно у его стен исследовано более 30 ямок, связанных с конструкцией сооружения. Также наблюдаются четкие ряды ям в центральной части котлована и вдоль его стен. Практически все ямки имеют глубину свыше 0,3 м от дна котлована). По периметру котлована, как и в первой камере, присутствует канавка. Между отдельными центральными столбовыми ямками и ямками периметра котлована также прослеживаются такие канавки, но менее выраженные. В центре сооружения между четырех столбовых ям, соединенных между собой канавками, зафиксирован прокол округлой в плане формы, линзовидного сечения, мощностью в центральной части до 0,15 м. Его заполнение представлено однородной рыжей супесью без каких-либо включений. У юго-восточного угла, на 0,25 м выше уровня материковой поверхности (по всей видимости, это уровень древнего дневного горизонта), обнаружено скопление крупных камней и фрагментов керамики, в том числе два фрагмента каменной зернотерки.

Исходя из описанных фактов можно условно реконструировать конструкцию сооружения № 1. Очевидно, камеры были углублены в почву на глубину 0,3–0,6 м от древней дневной поверхности. В центре котлованов устанавливались прямоугольные рамы, опиравшиеся на четыре-пять основных несущих столбов. Каркас сооружения представлял собой конструкцию из линий вертикально врытых столбов, которые скреплялись между собой перекладинами. Стены жилища могли сооружаться из вертикальных рядов плетня, расположенных между опорными столбами. Вероятно, стены были углублены в дно кот-

лована, о чем свидетельствуют канавки по периметру конструкции. Кровля опиралась с одной стороны на основные несущие столбы, расположенные в центральной части камеры (врыты на глубину более 0,4 м от дна конструкции), с другой стороны — на менее капитальный каркас вдоль стен котлована (глубина столбовых ям 0,2–0,3 м от дна конструкции). Между собой данные каркасы также, очевидно, были скреплены балками. В центральной части кровля в таком случае могла быть плоской, по краям — пирамидальной.

Подобная конструкция сооружений хорошо известна на единовременных памятниках региона. В частности, такой тип конструкции зафиксирован на саргаринско-алексеевских сооружениях (камера № 2 сооружения № 1 поселения Рублево-VI (южная Кулунда) [6], жилищ № 1, 3 поселения Жарково-3 (центральная Кулунда). И, в целом, такой тип сооружений широко представлен на позднебронзовых памятниках сопредельных территорий (ирменские, позднеирменские сооружения Новосибирского Приобья и Барабы и саргаринско-алексеевские конструкции Казахстана) [7–13]. Исходя из особенностей заполнения конструктивных деталей камер сооружения можно предполагать, что данное сооружение являлось жилой постройкой.

Сооружение № 2. В 2 м юго-западнее камеры № 2 продолжено исследование конструкции, частично уходящей в раскоп В.С. Удодова. Исследован участок площадью около 17 кв. м. Зафиксирована восточная стена котлована, внутри которого вдоль стенки обнаружено семь столбовых ямок и одна хозяйственная яма (на дне находился развал сосуда бегазы-дандыбаевского облика). Кроме того, одна столбовая яма обнаружена в котловане в 3 м от края стены. Исследованный участок камеры имеет вертикальные стенки котлована, ровную поверхность пола. Непосредственно на дне обнаружено скопление фрагментов керамики, часть из которых орнаментирована пальцевыми защипами (саргаринско-алексеевская традиция).

Принципиальная схожесть конструкций сооружения № 2 и сооружения № 1 (одинаковая глубина котлованов, наличие ямок и канавок по периметру котлованов) позволяют предварительно реконструировать конструкцию сооружения № 2 аналогичным образом — как полуземлянку с рамной конструкцией.

Сооружение № 3. В 2 м к востоку от жилища зафиксированы остатки еще одного котлована (глубина до 0,25 м от уровня материковой поверхности), слабо выделяющегося на фоне материка. Вдоль края данного сооружения также прослежен ряд ямок, вероятно, связанных с его конструкцией. Однако на данном этапе исследования говорить о конструкции данного сооружения не представляется возможным в силу ее недостаточной изученности. Интересной находкой стало обнаружение в заполнении данного котлована фрагмента керамической крышки.

У края западного раскопа, непосредственно в месте перехода стенки сооружения № 2 в раскоп В.С. Удодова, в пределах сооружения № 2 обнаружен и исследован объект № 1. Объект представлял собой яму подпрямоугольной в плане формы размерами 1,1 (по линии север-юг) x 0,9 м (по линии запад-восток). Стенки ямы вертикальные, с небольшим уклоном к центру, глубина в центральной части достигала 0,5 м от дна конструкции. На дне был обнаружен развал неорнаментированного сосуда и фрагменты кости животного. Очевидна хозяйственная направленность объекта (рис. 1).

В 2 м севернее края котлована камеры № 1 жилища обнаружен объект № 2 — крупная хозяйственная яма (диаметр 2,5 м и глубиной 0,9 м от уровня материковой поверхности) чрезвычайно насыщенная фрагментами сосудов, в том числе здесь найден фрагмент стенки сосуда с ручкой, камнями, костями животных, шлаком. Костей животных найдено мало. Подавляющее большинство артефактов обнаружено при изучении заполнения сооружений и объекта № 2.

Подводя предварительный итог новому этапу изучения памятника, можно констатировать следующее:

1) наличие крупного стационарного жилища с очагами указывает на то, что поселение Бурла III — стационарный поселок с развитой архитектурно-планировочной застройкой;

2) обилие керамического шлака, обнаруживаемого на всей площади поселения, говорит о массовом производстве здесь глиняных изделий, вероятно, станковой керамики;

3) серия обнаруженных изделий из бронзы, камня и глины находит аналогии в позднебронзовых комплексах Средней Азии и Казахстана и указывает на юго-западное направление связей. Особенно интересна категория изделий, на наш взгляд, напрямую указывающая на историческую родину жителей поселка, это так называемые «конусовидные подставки» — вещи не известные в единовременных комплексах Западной Сибири и Казахстана, но встречающиеся на территории Средней Азии;

4) круг аналогий обнаруженным изделиям указывает на раннюю в пределах эпохи поздней бронзы хронологическую позицию памятника, чему не противоречат его радиоуглеродные даты (UBA-24078 — XVI–XIII, UBA-24079 — XVI–XV вв. до н. э (даты калиброваны по второй сигме)), т. е. памятник относится к начальному этапу эпохи поздней бронзы и отражает переходный период от развитой к поздней бронзе;

5) традиции домостроительства жителей поселка находят широкие аналогии в кругу синхронных памятников эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири.

Библиографический список

1. Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 1994.

2. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Бурла III // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — 2014. — Т. XX.

3. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А. Феномен «бурлинского типа памятников» // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. — Вып. 1. — Барнаул, 2014.

4. Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А., Федорук О.А. Проблема изучения «бурлинского типа» памятников эпохи поздней бронзы на территории степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Т. XVII. — 2013.

5. Папин Д.В., Федорук А.С., Черных Д.В., Бирюков Р.Ю. Предварительные результаты электромагнитного изучения поселения Бурла III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Вып. XX. — Барнаул, 2014.

6. Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Домостроительство эпохи бронзы степной Кулунды (по материалам

раскопок поселения Рублево-VI) // Маргулановские чтения — 2014. — Алматы ; Павлодар, 2014.

7. Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. — Барнаул, 2007. — Ч. I.

8. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. — Свердловск, 1988.

9. Зданович С.Я. Поселения и жилища саргаринской культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. — Уфа, 1983.

10. Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 21. — М. ; Л., 1951.

11. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1966.

12. Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. — Тюмень, 1985.

13. Мыльников В.П. Типы жилищ и особенности домостроения по данным археологии: историографический аспект // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железного века в степях Евразии и на сопредельных территориях. — Барнаул, 2014.